

В следующие несколько дней Тао Лэян больше не устраивал истерик с требованиями вернуть его домой.

Днём он ходил в детский сад, где вместе с кучкой других детей учился читать по слогам, пел песенки и играл в игры.

Видимо, из-за того, что детский мозг ещё не до конца сформировался, Тао Лэян чувствовал, как стремительно глупеет. Он словно и правда превратился в пятилетнего ребёнка, который может с огромным упоением играть в прятки с другими карапузами.

Каждый день после полудня, возвращаясь в особняк семьи Фу, Тао Лэян делал домашние задания, а потом собирал пазлы, поджидая возвращения Фу Мяня.

По ночам он всё так же пытался проскользнуть в комнату Фу Мяня, улучив момент, пока няня отвлечётся. Вот только женщина теперь неотлучно сидела у его кровати и следила, пока он не уснёт, – по её словам, это было личное распоряжение Фу Мяня.

Тао Лэян из последних сил боролся с сонливостью и притворялся спящим, планируя сбежать, как только няня уйдёт. Но в процессе ожидания он каждый раз сам не замечал, как проваливался в сон.

И на следующее утро ему оставалось лишь в ярости колотить кулачками по кровати.

В субботу Тао Лэян потратил целый день, но наконец-то полностью собрал тот средних размеров пазл.

Фу Мянь в субботу тоже не бездельничал – его день был под завязку забит занятиями с частными репетиторами: фортепиано, верховая езда, гольф и многое другое.

Лишь к вечеру Фу Мянь вернулся домой с тренировки по верховой езде на загородном ипподроме. Свободный белый спортивный костюм придавал юному господину немного живости, и он больше не казался настолько неприступным.

Стоило Фу Мяню выйти из машины, как он тут же увидел Тао Лэяна. Тот сидел на ступеньках крыльца, подперев руками свои пухлые, круглые щёчки, и, широко разинув рот, от скуки зевал.

В следующую секунду Тао Лэян заметил его. Большие глаза мальчика мгновенно превратились в два полумесяца. Он резво вскочил на ноги и на полной скорости рванул в его сторону – точно артиллерийский снаряд, готовый сбить Фу Мяня с ног.

Однако Фу Мянь успел среагировать раньше: он вытянул руку и упёрся ладонью в голову Тао Лэяна, не позволяя себя обнять.

Фу Мянь с самого детства терпеть не мог подобные нежности и телесные контакты. Даже когда отец пытался его обнять, он всегда уворачивался.

У Тао Лэяна были коротенькие ручки, так что дотянуться до самого Фу Мяня он всё равно не смог и потому сдался.

Войдя в дом, он бережно преподнёс Фу Мяню собранную картинку. С видом ребёнка, который ждёт заслуженной похвалы, он гордо произнёс:

— Брат, я собрал пазл! Это мой подарок в знак извинения, держи!

Фу Мянью опустил взгляд на подарок. На картинке была изображена уродливая розовая мультяшная свинья в шапке, причём в некоторых местах детальки были соединены неправильно.

Плюшевая игрушка – свинья, пазл – тоже свинья. Надо же так сильно любить свиней.

— Этого поросёнка зовут Макдалл (известный гонконгский мультяшный персонаж, забавный и добродушный поросёнок), — Тао Лэян буквально насильно впихнул пазл в руки Фу Мянью. — Я ведь тоже родился в год Свиньи. Правда, он милый?

Фу Мянью так вовсе не считал, но подарок в знак примирения всё же взял. Правда, стоило ему зайти в кабинет, как он небрежно оставил его в самом углу.

На самом деле, извинялся ли Тао Лэян искренне или же замышлял какую-то очередную пакость, Фу Мянью на него вообще не злился.

Если провести аналогию: станет ли человек всерьёз обижаться на глупого поросёнка, который даже говорить толком не умеет? В этом просто не было нужды.

Но не прими он этот подарок, поросёнок бы точно от него не отвязался.

Выходные пролетели незаметно.

В понедельник после полудня Фу Мянью вернулся из школы раньше обычного, причём приехал вместе с Фу Цзунчэном.

В это время Тао Лэян сидел, скрестив ноги, на мягком кашемировом ковре и вместе с дядей Ци корпел над домашним заданием по рукоделию, которое задали в детском саду. Им нужно было смастерить какое-нибудь животное из старых картонных коробок.

Тао Лэян твёрдо решил делать свинью – точную копию своей Тао Мэйли. Вот только сам он лишь чесал языком и раздавал указания:

— Дядя Ци, у свиней пяточок совсем не такой, получается очень некрасиво...

— Дядя Ци, не лентяйничайте, делайте аккуратнее!

Откуда у дяди Ци – сурового, взрослого мужика – могли быть навыки к подобным поделкам? От нахлынувшего уныния он то и дело чесал макушку. Голова шла кругом, и от этого стресса у него даже выпало несколько волосинок.

Ну что за дурацкие задания придумывают эти воспитатели? Разве это не прямая издёвка над ним, Ци Дафой?

Хуже того, Тао Лэян стоял над душой и контролировал каждый его шаг с невероятной строгостью. Если этот мелкий паршивец в будущем станет начальником, он точно будет безжалостно эксплуатировать своих подчинённых.

Когда Фу Мянью переступил порог дома, дядя Ци посмотрел на него как на главного спасителя:

— Сяо Ян, твой брат Фу Мянью вернулся.

Услышав это, Тао Лэян тут же подскочил и со всех ног помчался к Фу Мянью, напрочь позабыв про дядю Ци.

Подбежав ближе, Тао Лэян вдруг заметил, что на лице Фу Мяня красуются раны: на лбу виднелся синяк, а на скуле – заметная ссадина.

Кожа у мальчика была чистой и белой, так что отметины, хоть и не казались опасными, всё же сильно бросались в глаза.

Тао Лэян отреагировал очень бурно. Вцепившись в руку Фу Мяня, он не на шутку разволновался:

— Брат, как же ты так поранился? Кто тебя обидел?

Фу Мянь мрачно свёл брови. Было очевидно, что он пребывает в скверном расположении духа, вот только оставалось загадкой, кто именно умудрился его разозлить.

— Никому не под силу меня обидеть, — отчеканил он.

Бросив эту фразу, он больше не удостоил Тао Лэяна вниманием и молча, размашистыми шагами направился наверх.

Многие события из своего детства Тао Лэян уже попросту стёр из памяти, поэтому он совершенно не помнил, что стряслось с Фу Мянем в этот конкретный день.

Вскоре в дом вошёл и Фу Цзунчэн. Лицо мужчины выражало такое же недовольство.

Отец и сын сейчас выглядели как две капли воды.

— Дядя Фу, а что случилось с братом?

Фу Цзунчэн опустился перед ним на корточки и ласково потрепал Тао Лэяна по пушистой макушке:

— Подрался с кое-кем. Ты уж, пожалуйста, не бери с него пример. Только неотёсанные дикари машут кулаками.

Тао Лэян сделал вид, что ничего не понял:

— Но почему тогда брат полез в драку? Наверняка тот, другой, сам был кругом виноват!

Фу Цзунчэн на мгновение растерялся, не зная, смеяться ему или плакать. Этот карапуз, оказывается, горой стоял за Фу Мяня.

Он слегка ущипнул ребёнка за мягкую, нежную щёчку:

— Ну, тогда дядя сейчас как раз пойдёт и расспросит твоего брата Фу Мяня, зачем он затеял эту драку.

— Хорошо!

Фу Цзунчэн вызвал Фу Мяня в кабинет, и при виде сына его лицо вновь стало суровым.

Сев за письменный стол, мужчина постучал согнутыми пальцами по столешнице и строго произнёс:

— Выкладывай. Зачем ты подрался с одноклассником?

Фу Мянью стоял напротив него, держа спину идеально прямо – в его позе не было ни капли робости или раскаяния.

Он лишь беззвучно сжал губы и продолжал хранить каменное молчание.

Фу Цзунчэн прекрасно знал своего сына, а потому сразу понял: тот вообще не собирается ничего объяснять.

Он издал холодный смешок:

— Фу Мянью, чему я тебя всегда учил? Не совершать безрассудных поступков. Ты что, напрочь выбросил мои слова из головы?

— Раз уж ты молчишь – что ж, ладно, — Фу Цзунчэн выдвинул ящик стола, достал оттуда сандаловую линейку для наказаний и подошёл вплотную к сыну. — За проступки нужно отвечать. Протяни левую руку.

Фу Мянью даже глазом не моргнул. Он сразу вытянул левую руку и раскрыл ладонь.

Никто из них не заметил, что тяжёлая дверь кабинета была слегка приоткрыта. В узкую щель вовсю подглядывал маленький силуэт, затаивший дыхание снаружи.

“Ого, ничего себе, — подумал Тао Лянь. — Значит, в прошлой жизни Фу Мянью шлёпал меня линейкой по ладоням просто потому, что перенял эту привычку у Фу Цзунчэна”.

Фу Цзунчэн замахнулся, но как раз в тот миг, когда линейка должна была с размаху опуститься на ладонь Фу Мянью, из коридора внезапно раздался звонкий детский голосок:

— Не надо!

Фу Цзунчэн замер, а Фу Мянью резко повернул голову на звук.

Тао Лянь торопливо вбежал в кабинет, из-за спешки потеряв на ходу один тапочек.

Он с решительным видом широко раскинул руки и заслонил собой Фу Мянью – точь-в-точь отважный рыцарь из сказки, защищающий принцессу.

— Дядя Фу, пожалуйста, не бейте брата, это же очень больно!

Фу Цзунчэн беспомощно вздохнул:

— Сяо Янь, тебя это не касается, ну-ка отойди.

— Не уйду!

Фу Мянью хоть и не ожидал, что Тао Лянь прибежит сюда, но в защите пятилетнего ребёнка точно не нуждался, поэтому тоже велел ему отойти.

Тао Лянь замотал головой, а затем обеими ручками вцепился в правую руку Фу Цзунчэна, в которой тот сжимал линейку:

— Дядя Фу, бить детей неправильно!

Но Фу Цзунчэн всё ещё был намерен довести дело до конца. Он замахнулся, однако Тао Лянь

намертво повис на его руке. Мужчина поднял руку, и Тао Лэян, словно маленькая обезьянка, взмыл в воздух, но хватку так и не ослабил.

— Дядя Фу! Послушайте моего совета, не бейте его!

Тао Лэян зажмурился и с видом героя, идущего на казнь, во весь голос закричал:

— Если хотите кого-то побить, бейте меня!

— ...

<http://bllate.org/book/21371/2180581>